

Дарья Кузнецова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дарья Кузнецова

Слово императора

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2016
 ARMA DA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К89

Серия основана в 2011 году
Выпуск 208

Художник
Л. Клепакова

Кузнецова Д. А.

К89 Слово императора: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2197-8

Принцесса Александра — умная девушка. Она понимает, что продолжение войны двух империй закончится крахом, поэтому без сожалений соглашается на династический брак с младшим братом Владыки империи Руш, скрепляющий мирный договор. А то, что жениха в последний момент заменили... какая разница, один чужак или другой!

Император Руамар — умный мужчина. Он знает, что некоторые оскорбления можно смыть только кровью, и когда глупость брата ставит под угрозу мирное соглашение, без раздумий занимает его место у алтаря.

А два умных человека всегда могут договориться, даже если один из них — и не человек вовсе.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кузнецова Д. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2197-8

Большое спасибо людям, без которых книги могло и не быть: Dilette, Благородной Даме, Женьке, Иришке, Светику и Стине.

Автор

Империя Руш, столичная резиденция — замок Варуш

Император Руамар Шаар-ан

Просторный кабинет, выполненный в классическом стиле в зеленых тонах, был наполнен светом. Свет струился сквозь распахнутые настежь огромные окна, заливал всю комнату и нес ощущение счастья. Переплетаясь с запахом моря, с криками морских птиц и шелестом прибоя, он прославлял торжество жизни и дарил надежду на светлое будущее. Кажется, даже он был рад окончанию долгой кровопролитной войны.

Войну эту начал не я, а император Шидар, мой отец. Тогда я был совсем мальчишкой, смотрел ему в рот и разделял его пренебрежительное отношение к беззубым, которых волею Первопредка стоило стереть с карты мира. Понимание пришло много позже, со смертью друзей и обнищанием когда-то богатых, процветающих земель. У людей есть такая поговорка: «Худой мир лучше доброй ссоры», и я сейчас очень хорошо понимал ее смысл. Понимал и разделял. Заняв место Шидара и столкнувшись со всеми проблемами империи разом, я понял: у нас есть только один выход — примирение с людьми. В противном случае в войне не будет не только победителей, но и вообще выживших.

И вот сейчас, когда тяжелый и нервный труд установления мира подходил к концу, когда были подписаны решающие соглашения, когда была найдена договоренность по самым сложным и болезненным вопросам, все это могло рухнуть из-за самоуправства одного малолетнего идиота.

Солнечный свет меня сейчас радовал мало, скорее даже раздражал. Я стоял у окна, заложив руки за спину, смотрел на море и чувствовал лютую жажду крови. Давно, очень давно я не был в таком бешенстве, когда инстинкты готовы были вырваться из-под контроля разума. И осложнялось все тем, что

до такого состояния меня довел тот, от которого я меньше всего ожидал подставы. Самое близкое существо в обитаемом мире, кому я доверял полностью, как себе, и на кого, думал, могу рассчитывать в любом вопросе.

С тихим шелестом открылась дверь, и Мурмар скользнул внутрь. Мне не надо было оборачиваться, чтобы определить его состояние и настроение. От него веяло решимостью, раздражением и упрямством. Моего настроения подобная смесь не поправила...

— Привет. Вызывал?

— Ну давай. Оправдывайся, — проговорил я, не оборачиваясь. Боялся, что, заглянув ему в глаза, все-таки не сдержусь и собственными руками обезглавлю империю. — Мне очень интересно знать, чем ты думал, когда принимал это решение.

— Чем-чем, — огрызнулся он. — Головой, конечно! Рур, ну не сердись, что мне еще было делать?! — Брат подошел ближе; похоже, моего состояния он просто не замечал, иначе не рискнул бы отойти от порога. — Не хочу я жениться на этой беззубой! От нее ведь не было бы шанса избавиться, с ней пришлось бы прожить всю жизнь! И ладно бы она была на женщину похожа, но... ты вообще видел ее изображения?!

— Она довольно красива, — пытаюсь взять себя в руки, процедил я. — Не юна, но у Димира нет других близких родственниц подходящего возраста.

— Да при чем тут ее возраст?! — возмутился Мурмар. — Рур, она почти с меня ростом! Это же полковник с боевым опытом, а не женщина! К тому же ты ведь знаешь: я всегда хотел семью, детей, а шансов получить потомство от беззубой...

— Обрубок! — Сквозь деформированную трансформацией гортань слово протолкнулось с трудом, и вряд ли он его понял. Впрочем, слова были уже не важны; важно было, что я не сдержался. И брат стоял сейчас ко мне лицом к лицу и смотрел на меня в ужасе, а по его щеке из четырех глубоких порезов текла кровь. Зрелище малоприятное: раны на лице всегда сильно кровоточат.

— Рур... — испуганно прошептал он.

— Семейку хотел? Детей? — прошипел я, силясь справиться с гневом. — Будут тебе дети. Не позднее чем через год эта драчная кошка родит тебе сына, и моли Первопредка, чтобы он удался в деда, а не унаследовал твою бесхарактерность!

— Но, брат, я не понимаю, что...

— Головой думал? — процедил я. Вид покорной готовности принять наказание и запах крови несколько отрезвили, и я по крайней мере мог говорить. — Нет, Мурмар, ты думал не головой. А если бы думал головой, ты бы понял, что этот мир нам нужен не меньше, чем беззубым.

— Я понимаю, — понуро кивнул он.

— Значит, ты должен понимать, что своим поступком нанес тяжелое оскорбление Димиру и его дочери. Оскорбление, которое нельзя простить. И поставил под угрозу все договоренности. И теперь, чтобы избежать продолжения кровопролития, твое место должен занять я. Ты только что говорил про детей, вероятность появления которых в смешанном браке очень мала? Так вот теперь ты, может быть, наконец-то поймешь, что своим поступком прервал прямую ветвь наследования и детей теперь не будет у *меня*. *У империи не будет прямого наследника!* Кроме тебя и твоих потомков. Но после этого поступка я сомневаюсь, что ты сможешь стать мне достойным преемником или сумеешь воспитать отпрыска, достойного управлять империей. Так что этим займусь я. А ты и твоя драгая кошка должны очень постараться, чтобы плод вашей совместной глупости оказался тем материалом, с которым можно было бы работать.

Под конец этой отповеди Мурмар окончательно потух и понуро опустил голову. Было видно, что он искренне раскаивался, и это помогло мне окончательно взять себя в руки.

— Прости, Рур. Я дурак, я совсем об этом не подумал.

— Да, дурак, — кивнул я. — Пока ваш брак не принес плодов, я займусь восполнением пробелов в *твоем* образовании. Я вернусь через два дня. К этому моменту должна быть полностью завершена подготовка к торжествам по случаю императорской свадьбы. А еще ты предоставишь мне свои замечания по проекту бюджета на ближайший цикл, составленному казначейством. *Свои* замечания, Мурмар. И моли Первопредка, чтобы хотя бы часть из них мне понравилась. Проваливай и до моего возвращения не попадайся мне на глаза.

Он коротко церемонно поклонился и молча вышел, а я подошел к своему столу и устало рухнул в кресло.

Мальчишка, клянусь когтями Первопредка — мальчишка! Глупый, самонадеянный, избалованный и недалководный. И это — мой младший брат, а, стало быть, все, что случилось,

результат моей халатности. И пока он — мой единственный наследник.

Я не любил Шидара, но у покойника был характер. Чего не сказать про Мурмара, выросшего копией нашей милой, но такой слабой матери. Первопредок, пусть дети этого остолопа унаследуют мозги деда, а не отца или еще хуже — дуры-мамаши!

Преодолев мгновенную слабость и ощущение бессилия, я активировал кристалл связи, вызывая секретаря.

— Да, мой император?

— Вур, главного казначея, коменданта города и Инварр-ара ко мне. Срочно, у меня нет времени.

— Да, мой император.

В ожидании подчиненных я откопал в столе досье на ту, кому до сих пор уделял прискорбно мало внимания и с кем мне предстояло разделить собственную жизнь. Перед встречей стоило узнать о ней чего-то посущественнее, чем портрет и краткая характеристика.

*Окрестности города Эй-Эн-Тыбар,
Тыбарский Конгломерат*

Ее императорское высочество Александра

Сложно поверить, мне и самой не верилось, но я была совершенно спокойна. Перед любой атакой, перед любым маневром меня окутывала тревога и беспокойство, а сейчас должна была решиться моя судьба, но меня это совершенно не волновало. Наверное, потому, что отпереживалась я раньше, когда искала информацию об этом драмом кошаче, младшем брате рушского императора.

Отец, разумеется, не стал ставить меня и моего кузена Ланца перед фактом. У нас спросили согласия на предстоящие браки, и если бы мы отказались, он не стал бы настаивать. Он слишком любил нас, чтобы к чему-то принуждать. Но и Ланц, которому предстояло жениться на младшей сестре рушца, и я, которая должна была выйти замуж за его же младшего брата, прекрасно понимали необходимость мира. Эдакий взаимовыгодный обмен принцессами. Разглядывая портрет своей будущей родственницы, я со злорадством думала, что нашей империи с этим обменом повезло больше. Рулана

была по-настоящему очаровательной девушкой: красивой, удивительно спокойной для рушки и неглупой. А меня «прекрасной принцессой» считали только отец с братом.

Церемония обмена происходила буднично и без помпы, на территории третьей стороны. Место для этого исторического события предоставили тыбарцы, отдав под вытаптывание делегатам просторное поле в окрестностях небольшого городка Эй-Эн-Тыбар. Градоправитель пытался сосватать под это дело свой дворец, но оба императора отказались: никому не хотелось тратить время на лишние церемонии. В конце концов, это была просто передача заложников, древней традицией окончательно скреплявшая заключенные соглашения. Да и дирижабли возле дворца сажать было негде.

Благодаря организаторскому таланту тыбарцев в изящный просторный шатер, разбитый для этих целей, делегации вошли одновременно с разных концов и встретились почти посередине. Два императора со свитами, жадно разглядывающими друг друга.

Странно, но среди рушцев моего будущего мужа не было. Что, заливаает свое горе и его решили в столь непрезентабельном виде не показывать? Ну, парня можно было понять и даже посочувствовать ему. Я тот еще подарочек на всю оставшуюся жизнь, врагу не пожелаешь.

Мы все, как шли, стенка на стенку, так дружно и расшаркались, и выглядело это довольно забавно. Слово по праву старшинства взял мой отец.

— Мой венценосный брат, мы не видим среди вашей свиты жениха нашей дочери. Он не смог прибыть? — с неприязнью поинтересовался он.

— Это моя вина, мой венценосный брат, — склонил голову рушец.

Я впервые видела этого типа, и, признаться, увиденное радовало мало. Высоченный даже с высоты моего роста, с мрачной суровой физиономией и широкими плечами, он казался огромнее Ланца, которого мы все звали медведем. Хоть и не-намного, но сам факт уже впечатлял. Интересно, его братец так же внушительно выглядит или все-таки менее солидно? Вообще, если верить данным из досье, должен быть на полголовы ниже, то есть — почти вровень со мной. А жалко, было бы забавно, если бы он оказался ниже. Но рушцы-мужчины

вообще отличались высоким ростом и массивным телосложением.

— В чем же ваша вина?

— В том, что недостаточно внимания уделял его воспитанию, — поморщился он. — Сожалею, но мой брат не сможет выполнить взятые на себя обязательства... Я не договорил! — Рушец вскинул руку, призывая к тишине взроптавших присутствующих. — Тем не менее я желаю сохранить достигнутые договоренности и надеюсь, что моя кандидатура удовлетворит моего венценосного брата и его благородную дочь.

— То есть вы лично женитесь на Александре? — Скрыть недоумение отец не сумел, да и вообще все присутствующие, включая рушцев, были в глубоком замешательстве.

— Если это искупит вину моего брата, — склонил голову рушец.

— Что ж, не буду лукавить, я удивлен таким поворотом. Но ваше благородство смягчает внезапность подобного решения. Дочь моя, подойди, — через плечо бросил отец, и я, протиснувшись между братом и кузеном, шагнула вперед. — Твой жених — император Руамар Шаар-ан, — проговорил он, вопросительно глядя на меня.

Уверена, если бы я сейчас отказалась, он бы разорвал договор. Но... война утомила всех, а я всего лишь поменяла одного кошака на другого — какая, по сути, разница?

— Рада знакомству, ваше величество, — сдержанно поклонилась я под пристальным взглядом рушца.

Многое бы я отдала за то, чтобы заглянуть в его голову в тот момент, когда взгляд желтых глаз оборотня скользнул по моей затянутой в парадный мундир фигуре, фиксируя каждую мелочь. Против подобной формы одежды, кстати, не возражал никто: последние пятнадцать лет представить меня в платье не мог даже отец, для которого я по-прежнему оставалась его «милой малышкой».

К сожалению, прочитать что-то по хмурой физиономии будущего мужа оказалось невозможно. Хотя я искренне надеялась, что он испытывает ужас и отвращение и, стало быть, не пожелает сделать наш фиктивный брак настоящим. Этого-то в договоре не было, данный аспект жизни давался на откуп самим супругам. И мне очень не хотелось ложиться под оборотня. Нет, если будет настаивать, придется пойти и на это, но... я бы предпочла обойтись.

Ничего хорошего от этого брака я не ждала изначально. Но если с младшим братом императора, существом слабохарактерным и вообще довольно жалким, я имела шанс ужиться именно в той роли, к которой привыкла, то с самим Руамаром все было куда сложнее.

Дальше следовали иные положенные по этикету расшаркивания, в которых я почти не принимала участия, вместо этого с любопытством наблюдая за своим будущим мужем. Отец всегда отзывался о нем уважительно, и нынешний поступок говорил в его пользу. Ну или в пользу того, что Рушу действительно очень нужен этот мир.

В отличие от своего светловолосого брата Руамар был рыжим, и это было по меньшей мере забавно, учитывая мою собственную масть. Только оттенок против моего огненно-яркого был более темный, медный, и веснушек у императора не было. Длинные, до лопаток, волосы были собраны в низкий хвост, между прядей выглядывали заостренные кончики ушей, увенчанные несерьезными меховыми кисточками. Странно, я прежде не обращала внимания, что у них уши мохнатые; не целиком, а только на кончиках.

Черты лица оборотня были строгие, правильные и напроць лишенные утонченности. Тяжелая челюсть, тонкие губы, густые насупленные брови и глубоко посаженные желтые глаза с кошачьими вертикальными зрачками. Полное соответствие портрета заявленной характеристике: волевой, жесткий до жестокости, решительный, бескомпромиссный, но способный иногда признавать свои ошибки. Отличный император, но как же не повезет его жене!

Мне то есть. Хотя тут еще неизвестно, кому не повезло больше.

— Не обижай котятков, полковник, — насмешливо напутствовал меня Ланцелот, когда мы прощались по-семейному: сцепившись правыми руками перед грудью, локоть к локтю, наградили друг друга сильными хлопками по плечам свободными ладонями.

— Сам будь осторожнее, не раздави молодую жену, — хмыкнула я в ответ.

— Если что — пиши, я всегда на связи, — сказал брат, когда дошла очередь до прощания с ним.

— Если что, пусть они пишут, прилетишь спасать. — Мы обменялись понимающими улыбками, и я попала в руки отца.

— Извини, девочка, кто же знал, что оно вот так повернется, — мрачно проговорил он, сжимая меня в крепких объятиях.

— Да ладно, какая разница: один кошка или другой, — шепнула я. — О девочке их позаботься, не ровен час, помрет от страха.

— Это к Ланцу, — едва заметно улыбнулся он в ответ.

— Ваше величество, я готова идти. — Развернувшись через левое плечо, я щелкнула каблуками начищенных до блеска сапог.

Руамар в ответ едва заметно поморщился и кивнул. Потом с некоторой озадаченностью огляделся и уточнил:

— Ваше высочество, где ваши вещи? Мои люди заберут их.

— Вещи? — озадаченно переспросила я. Машинально хлопав себя по карманам, обернулась к родным. Ланц с Алексом растерянно переглянулись, потом кузен хлопнул себя ладонью по лбу, обернулся, кого-то окликнул и развернулся обратно с небольшой сумкой в руках, которую гордо вручил мне. Ах, ну да, я же помню, что я все собирала! — Да, теперь точно все.

— Это *все*? — подозрительно уточнил рушец.

— Да, ваше величество, — кивнула я, мысленно перебирая собранные вещи. — Определенно.

Оборотень окинул меня очень странным взглядом, но больше ничего не сказал. Неопределенно кивнул в сторону, и кто-то из его сопровождающих с поклоном забрал мое имущество.

После меня состоялась передача рушки, и я сообразила, что так удивило моего жениха. Вечно забываю, что моя склонность к минимализму не является чертой всех без исключения женщин.

Рулана держалась молодцом, хотя было видно, как она трясется, нервно озираясь по сторонам. Хотя и странно: по сравнению с ее братцем Ланцелот — настоящий милашка. Рыжий, как я, очень улыбчивый и обаятельный, с яркими зелеными глазами и задорными веснушками. Но, пронаблюдав прощание старшего брата с младшей сестрой, я нашла объяснение и этому факту: своего императора девочка боялась еще сильнее, чем людей, и особого тепла в их отношениях не наблюдалось.

Интересно, ему просто было не до общения с ближайшими родственниками или он в самом деле настолько суров? Впрочем, одно другому не мешает.

Императоры раскланялись, вслед за ними раскланялись остальные, и Руамар молча предложил мне локоть. К подобному способу передвижения я не привыкла, но послушно уцепилась за предложенную конечность. Хотя и чувствовала себя в этот момент довольно глупо.

Но в последнем был виноват не мой будущий муж, а общий вид делегации оборотней. В империи Руш был очень теплый климат, поэтому в гражданской жизни двуликие одевались в легкие яркие многослойные струящиеся одежды сложной конфигурации. Только у охраны форма была черного цвета да наряд императора выгодно выделялся благородной темной зеленью. И среди всего этого великолепия я смотрелась как вороная кобыла парадного полка посреди дворцовой клумбы: черные узкие сапоги, черные обтягивающие лосины, благородного стального цвета сюртук с серебряным шитьем и эполетой, белая рубашка, черный шейный платок и тонкие белые перчатки.

Путь по сухому выкошенному полю до дирижабля был коротким и прошел в молчании. Даже сопровождающие лица не рисковали громко шушукаться, нарушая тишину, и явно избегали смотреть в нашу сторону. То ли они так относились к своему правителю, то ли их так шокировал мой внешний вид, причем первое предположение представлялось куда более вероятным.

А я с интересом разглядывала их вблизи: одетых в гражданское и в естественной среде.

В основной своей ипостаси рушцы практически неотличимы от людей. У них даже вертикальные зрачки — редкость; насколько я знала, это было свойственно только некоторым особям. Не то более сильным, не то просто более близким к зверю. В остальном — похожее телосложение, та же разноцветная масть от откровенно блондинистого до черного.

Истоки конфликта двух соседствующих империй терялись в веках, и никто уже не мог вспомнить, с чего все началось. Наверное, именно из-за этого внешнего сходства и генетической близости. Наличие общих предков, близкая психология — все это раздражало оба вида. Мы считали их дикими животными, они нас — беззубыми мягкотелыми слабаками. Было бы лицемерием обвинять в этом конфликте только Руш, все были хороши; просто оборотни первыми перешли от

мелких пограничных стычек к полномасштабным военным действиям.

Война длилась двадцать три года, измотала обе империи, но по совокупности сил между ними по-прежнему сохранялся паритет. Император Шидар, отец моего будущего мужа, был очень упрямым типом и так до конца жизни не признал, что начинать войну для него было ошибкой. Сам Руамар оказался существом более миролюбивым (чего по его лицу не скажешь) или, скорее, внимательным. Он бросил взор по сторонам, увидел разруху и упадок, особо отметил довольно скалящихся соседей и... предложил пойти на мировую. Последние два года на фоне вялотекущего противостояния шли переговоры, которые сейчас наконец-то завершились. Повторюсь, выкинув из жизни двадцать лет, каждый остался при своих интересах.

Хочется надеяться, два вида все-таки научатся жить в мире не только на бумаге, но и в реальности. Правда, боюсь, случится это не на моем веку.

Внутренняя отделка императорского дирижабля дышала благородной роскошью, все было аккуратно и очень изящно; больше похоже не на транспортное средство, а на небольшой дворец. Руамар лично проводил меня в мои покои, смежные с его собственными. Граница пролегла между двумя гостиными, дальше шли спальни и ванные комнаты. В общем, опять-таки полная иллюзия дворцовой обстановки.

— Осваивайтесь, ваше высочество, — предложил мне император. — Мне нужно отдать некоторые распоряжения, после чего я зайду к вам обсудить ряд вопросов.

— Разумеется. — Я склонила голову в ответ. На этом он действительно меня покинул, и я огляделась уже внимательней.

Здесь было вполне уютно и, что меня особенно порадовало, отсутствовал типично женский оттенок обстановки. Я бы очень расстроилась, если бы комнаты были оформлены, например, в розовом цвете. Доминировал зеленый, но более светлого оттенка, чем у императора, присутствовали синий, бирюзовый, серебряный и золотой, причем последние два — очень незначительно. В общем, оглядевшись, я пришла к выводу, что мой вкус совпадает со вкусом того, на кого ориентировался автор этих интерьеров. То есть, вероятно, императора. И это внушало некоторый оптимизм.

Выполняя высочайшее повеление «осваиваться», я поставила ножны с клинком в угол, сбросила сюртук на спинку кресла, следом полетели ненавистная удавка и перчатки. Распустив ворот рубашки, я подхватила сумку и отправилась разбирать вещи. С чем, впрочем, покончила очень быстро; годы военной службы приучили к непряхотливости, да я и в детстве никогда не была привередливой.

Проинспектировав ванную комнату, я задумалась, не принять ли душ, но решила отложить это на потом. Будет довольно некрасиво, если император придет для обещанного разговора, а я как раз буду плескаться в ванне.

Меж тем я нашла в гостиной бар с великолепным набором напитков и плеснула себе полбокала хорошего вина. Правда, за что именно пить, так и не определилась: не то за собственное семейное счастье, не то — за собственный же упокой. В итоге решила пожелать себе здоровья и терпения, оно никогда лишним не будет — ни на том свете, ни на этом.

Император не заставил себя долго ждать, я успела сделать всего пару глотков.

— Вина, ваше величество? — поинтересовалась я со своего места, поленившись приветствовать гостя стоя. Он окинул меня задумчивым взглядом, подошел к столу, взял в руки бутылку. Чему-то усмехнулся и качнул головой.

— Я сам налью, — сказал и достал из бара еще один бокал. Неторопливо устроившись в соседнем кресле, плеснул себе рубиновой жидкости и, отсалютовав мне, слегка пригубил. — Почему вы носите мундир, Александра?

— Разведка Руша настолько плохо работает? — не удержалась я от усмешки. — Или вы не посчитали нужным ознакомиться с подробной информацией? Или это просто повод начать разговор?

— Это любопытство, — пожал плечами мужчина. — Разведка не интересуется личными мотивами, а меня сейчас интересуют именно они. Насколько я знаю, армейский чин не обязывает к ношению формы в свободное от службы время.

— То есть вам интересно, почему я предпочитаю мундир платью? — с искренним недоумением уточнила я. Он только кивнул. — Ваше величество, а вы бы что предпочли? — Кажется, улыбка получилась ехидной, но собеседник и бровью не повел, продолжая сверлить меня взглядом в ожидании развернутого ответа. — Если бы вы внимательно посмотрели на

одежду уроженок моей страны, у вас не возникло бы подобного вопроса. Во-первых, я привыкла, а во-вторых и главных, это объективно удобнее. Здесь только одна удавка — шейный платок, а там — целый корсет, юбка путается в ногах, декольте при резком движении норовит сползти с груди, да еще обувь совершенно чудовищная. Я ответила на ваш вопрос?

— Да, вполне, — задумчиво кивнул император. Однако выставлять мне ультиматумов «никогда больше» и критиковать мои штаны не стал. Зачем тогда спрашивал?

Вместо этого он погрузился в сосредоточенную задумчивость, продолжая при этом буравить меня взглядом.

— Вы пришли поговорить именно об этом? — подбодрила я его, когда подобное положение вещей начало раздражать.

— Нет. Я пришел обсудить некоторые аспекты нашей будущей совместной жизни. — Он качнул головой, будто очнувшись. — Скажите, ваше высочество, у вас были мужчины?

Ишь ты как официально.

— Нет, ваше величество, — спокойно ответила я. Когда много общаешься с военными, большинство из которых — мужчины, и когда эти военные принимают тебя за своего, смущаться прекращаешь очень быстро. Смущаться *любых* тем разговора.

— Это все осложняет, — поморщился он.

— Почему? — иронично поинтересовалась я. — Я всегда полагала, что это, напротив, является женской добродетелью.

— В целом да, — медленно кивнул император. — Но не в данном случае. Что вы знаете о физиологии нашего вида? Точнее, об аспекте интимных отношений и брачных игр.

— Я полагала, они идентичны нашим привычкам. Видимо, это не вся информация, — совершенно растерялась я. — Кроме того, я полагала, именно вы будете настаивать на фиктивности нашего брака. Разве нет?

— Я кое-что объясню вам, и вы поймете, что это просто невозможно. — Он опять недовольно скривился. — Мы во многом, почти во всем, ориентируемся на запахи. Все эмоции, все ощущения и состояния имеют свой запах: гнев, обида, радость, болезнь. Супруги в нашем представлении должны пахнуть друг другом: это один из основных признаков того, что брак, во-первых, заключен, а во-вторых, успешен. Если этого не будет, мой же собственный народ посчитает все это обманом. Сейчас слишком многие считают этот мир слабостью,

чтобы я мог позволить себе дать им подобный козырь. Это понятно? — Руамар уставился на меня, я машинально кивнула. Что уж тут непонятного! — Отлично, дальше. По этой же причине не будет никаких измен, даже намек на них. Я могу рассчитывать на вашу разумность в этом вопросе? — Еще один пристальный взгляд, и снова я ограничилась кивком.

Как легко с ним разговаривать, просто генерал Звейн, раздающий приказы. Лишний раз откроешь варежку не вовремя — выговор с занесением.

От этого сравнения мне стало весело. Ох, представляю я свою грядущую «семейную» жизнь!

Император пару секунд молчал, разглядывая меня сквозь подозрительный прищур — настроение учуял, что ли? Правда, замечания опять не сделал, только тихонько хмыкнул себе под нос. Хотя, может быть, мне просто послышалось.

— Теперь о физиологии. От природы мы весьма агрессивны. «Мы» — это половозрелые мужчины вида, все без исключения. И, разумеется, чем ближе конкретный индивид к зверю, тем эта черта сильнее выделяется. Наш Первопредок — хищник-одиночка, не терпящий конкуренции на своей территории, и эту черту мы унаследовали полностью. Есть два способа контролировать свое настроение. Дальше догадаетесь?

— А что тут гадать? — Я пожалала плечами, с некоторым недоумением наблюдая за мужчиной. Он вел себя странно: прикрыв глаза, перегнулся через подлокотник кресла в мою сторону, явно принохиваясь. — Секс и мордобой. Не так уж сильно мы отличаемся, просто у нашего вида эти черты выражены гораздо слабее. Я поняла, к чему вы клоните. Если вы начнете избивать своих подданных, они этого не оценят, и, учитывая невозможность измены, вариант остается только один. Если вас все устраивает, то... ваше величество, с вами все в порядке? — не выдержала наконец я. Потому что он не то заснул, не то впал в какой-то транс: дыхание глубокое и частое, ноздри нервно подрагивают, как будто норовя принять звериные черты, а сжимающая подлокотник рука и вовсе замерла на полпути между ладонью и лапой, запустив когти в обивку.

— Более чем, — ответил он, распахнув глаза. Выглядели они жутковато: желтые, зрачок вытянут в ниточку. Того и гляди, бросится! Мужчина пару раз моргнул, и глаза приняли более привычный вид. Уточнять, на который из вопросов он сейчас

ответил, я на всякий случай не стала. — И еще один момент, касающийся брачного обряда. Неизбежной его частью является прием некоего зелья, которое мы называем «кровью Первопредка». Химический его состав вам будет малоинтересен, важно другое. На наш вид оно действует как сильнейший афродизиак, как оно повлияет на человека — предсказать невозможно. Что я точно могу гарантировать, отравиться вы им не отравитесь, а вот сработает ли основное свойство — неизвестно.

— Зачем такие сложности? — растерянно уточнила я.

— Это не сложности, — рушеч пожал плечами, — не всегда браки заключались и заключаются по обоюдному желанию, и не всегда супругам везет понравиться друг другу на уровне запахов. Как я уже говорил, обоняние во всей нашей жизни играет огромную роль, и если запах неприятен... Женщину, которую не привлекает мужчина, хотя бы теоретически можно не спрашивать, брак будет заключен в любом случае. А вот если мужчине неприятна женщина, с этим могут возникнуть определенные технические трудности. Это потом, когда запахи смешаются, проблема будет стоять менее остро. Если на вас это средство подействует так же, как на наших женщин, все будет хорошо, но вероятность этого довольно мала. Поэтому, чтобы в дальнейшем не было вопросов и претензий, предупреждаю сразу. Под этим средством я буду совершенно невменяем и позаботиться о вашем состоянии и комфорте не смогу. Навредить женщине всерьез ни один мужчина не сможет, но царапины и укусы практически неизбежны, не говоря уже о том, что сделать все осторожно я не сумею. Так что вам в любом случае будет больно и по меньшей мере неприятно. Ах да, настоятельно не советую сопротивляться или, хуже того, убегать. У вас это в любом случае не получится, так что не дразните лишний раз зверя. Можно рискнуть и попробовать какое-нибудь обезболивающее, но как оно сработает вместе с «кровью Первопредка», я не знаю. В принципе есть шанс, что поможет местная анестезия, но...

— Не стоит беспокоиться, ваше величество, — перебила его я. — Не будем рисковать, потому что на некоторые обезболивающие мой организм реагирует очень странно. Надеюсь, с этой «кровью» такой проблемы не будет, но лучше бы иметь под рукой квалифицированного медика. Благодарю за предупреждение и обещаю, что не доставлю дополнительных проблем. Я умею терпеть боль.

— Хорошо, что вы предупредили, — кивнул он в ответ. — Я обеспечу присутствие на церемонии доверенного лица, способного оказать вам медицинскую помощь в случае непредвиденной реакции. На этом, полагаю, все, если у вас нет никаких вопросов.

— Только один. Чем я могу заниматься в нашей совместной жизни вне постели? — иронично поинтересовалась я.

О мирной жизни оборотней я знала крайне мало и совсем не удивилась бы, если бы их миниатюрным хрупким женщинам полагалось посвящать дни вышивке и прочим не вполне адекватным, с моей точки зрения, занятиям.

— Чем угодно, — поморщился он.

Мне показалось, будущий муж просто не понял, что я имею в виду, но уточнять я благоразумно не стала: полученный ответ меня полностью устраивал.

Воздушное пространство империи Руш, замок Варуш

Император Руамар Шаар-ан

Клянусь когтями Первопредка, это достойная шутка судьбы. Внешность принцессы Александры меня волновала мало, куда важнее был запах и характер. Хотя наружность женщины, честно сказать, в первый момент удивила: она действительно была очень высокой, вровень даже с некоторыми нашими мужчинами, а с женщинами и сравнивать было бессмысленно. Одно дело читать сухие цифры и совсем другое — видеть ее вживую. При этом она, впрочем, обладала вполне женственной фигурой, которую строгая одежда военного покроя только подчеркивала.

Что касается запаха, после нескольких секунд общения с человеческой делегацией я вздохнул с облегчением. Различить подробнее на фоне стольких незнакомых людей было невозможно, но стойкого отвращения она у меня не вызывала.

Проведя же некоторое время наедине с будущей женой, я сделал еще несколько приятных открытий. Во-первых, ее запах мне понравился. Не до помешательства, когда от него невозможно отвлечься (к подобным вещам я всегда относился с подозрением), но до той степени, когда общество существа можно не просто терпеть, а получать удовольствие от его присутствия. На фоне этого все остальное почти не имело смыс-

ла, но не отметить «во-вторых» было невозможно. А именно характер принцессы. Умна, рассудительна, сдержанна, не болтлива и не скучна. И, я предполагаю, верна своему слову. Не будь она человеком, на роль императрицы подошла бы идеально, и лучшей кандидатуры я не нашел бы, даже если бы выбирал сам. Что ни говори, Димир воспитал достойную дочь.

А еще она совершенно меня не боялась, и это было неожиданно. Даже ее отец относился с разумным опасением, а эта женщина была совершенно спокойна. Учитывая прочие аспекты ее поведения, я пришел к выводу, что она просто эмоционально холодна. Что поделать, хорошая императрица — плохая любовница, тут что-нибудь одно.

Сделав выводы, я выкинул будущую жену из головы до прибытия домой: у меня было слишком много работы, чтобы отвлекаться на пустые хлопоты. Ее всегда было слишком много, а восстановление и переориентация практически лежащей в руинах экономики, полностью сосредоточенной на военных нуждах, и вовсе в этом отношении напоминали черную дыру. Правда, пару раз я все-таки заглянул в соседние покои, чтобы оценить общее состояние ее высочества. Мы ни разу не пересеклись, но, судя по наполняющим пространство запахам, Александра была спокойна, здорова и... чистоплотна. Что было очередным плюсом ее характера.

Неспособность артефактов связи внятно работать на подвижных объектах сильно осложняла жизнь. Особенно когда требовалось оперативно уточнить некоторые вопросы. Но зато она позволяла во время пути сосредоточиться на ворохе документов, прихваченных мной из рабочего кабинета именно с этой целью.

Сортировка входящей корреспонденции по жанрам и степени важности теоретически являлась обязанностью секретаря, но... Вагур, занимавший при мне эту должность, был исполнителен, патологически предан и прост как стул, на котором сидел.

Что поделать: ум, верность и трудолюбие очень редко сочетаются в одном индивидуе, все обладатели подобных качеств у меня наперечет и занимают гораздо более серьезные должности. Скажем, выбирая между секретарем и начальником разведки, я все-таки предпочту проверенного специалиста на последней должности. При наличии определенной

привычки сортировка документации занимает не так много времени, зато можно быть уверенным, что ни по незнанию, ни с умыслом никто ничего не перепутает и никакая бумажка не пройдет мимо. С оговорками, конечно, но так все же надежней.

В мое отсутствие эта работа свалилась на и без того вечно зашивающегося Мунара Инварр-ара — собственно, того самого начальника разведки и контрразведки, заодно занимающегося уголовными преступлениями имперского масштаба, — а сам я взял в дорогу финансовую документацию, требующую подробного вдумчивого анализа. Тоже в общем-то не вполне императорское занятие, но найти вменяемого казначея в свое время не мог еще и Шидар. И ведь даже угроза смерти не останавливала их от попыток хапнуть побольше!

К собственному удивлению, дела я закончил за несколько часов до прибытия. Прикинув, на что бы потратить внезапно образовавшееся окно, принял единственно правильное решение и лег спать. Пообщаться с беззубой я еще успею, а вот когда в следующий раз выдастся возможность выспаться вволю — большой вопрос. Да и перед обрядом стоило как следует отдохнуть. По моим прикидкам мы должны были прибыть часа за два до заката, в момент которого и принято было проводить церемонию, так что времени должно было в обрез хватить на решение самых неотложных вопросов.

К месту проведения ритуала, точнее, подготовки к нему, Александру я планировал сопровождать лично. Это было обязательно, но считалось знаком симпатии между будущими супругами, и не воспользоваться такой возможностью лишний раз показать подданным, насколько у их императора все серьезно, было бы глупо.

— Вам удалось отдохнуть в пути? — поинтересовался я, когда мы с принцессой сходили по трапу.

— Даже слишком. Бездействие здорово утомляет, — таким же светским тоном ответила она и неожиданно спросила: — Ваше величество, что еще мне следует знать о предстоящем обряде? Как он вообще проходит? И, главное, в какой именно момент нам предстоит выпить это... зелье?

— Правильные вопросы. — Я усмехнулся, забираясь в недра небольшого крытого экипажа вслед за проигнорировавшей предложенную помощь и легко вспорхнувшей в повозку принцессой. — Собственно, именно об этом я и хотел с вами

поговорить по дороге. Подготовка к обряду носит главным образом бытовой характер и бывает нужна именно женщине. Омывание и особый массаж со специальными эфирными маслами помогут разогреть и размять тело, частично подготовив к заключительной части обряда. После этого вас оденут в ритуальные одежды и проводят к алтарю. Ах да, учитывая ваши предпочтения в одежде, хочу предупредить: в этом вопросе отступления невозможны. Ритуальная одежда одинакова для всех, от золотаря до императора. Я могу на вас положить?

— Вы имеете в виду, не устрою ли я истерику из-за неподходящего платья? — усмехнулась Александра. — Не волнуйтесь, обещаю вести себя прилично.

— Замечательно, — кивнул я и продолжил: — Собственно, сама процедура заключения брака довольно проста: «кровь Первопредка» разливается в ритуальные чаши, над которыми надсекаются запястья пар, проходящих ритуал. Зелье с моей кровью выпьете вы, с вашей — я. После этого вы в сопровождении присутствующих женщин проследуете в спальню, где к вам спустя некоторое время присоединюсь я. Обычно все это сопровождается традиционными песнями, но в нашем случае, полагаю, петь будет некому: на церемонию соберется, как я уже говорил, немногим более десяти самых доверенных лиц. Если все пойдет как положено, к моему появлению вы уже будете не в себе, да и я, полагаю, тоже.

— А зачем разводить будущих супругов по очереди? — растерянно уточнила принцесса. — Выпили бы на брудершафт, да и в спальню.

— В таком случае велик шанс не дойти до спальни, — насмешливо фыркнул я. — Прецеденты были, — бросил в ответ на ее полный недоверия взгляд. — Под воздействием зелья инстинкт остается только один, очень узконаправленный и сосредоточенный на том двуликом, чья кровь была смешана с «кровью Первопредка».

— А вы уверены, что те самые ваши подданные, которые против заключения мира, не попытаются воспользоваться ситуацией? Вас-то они вряд ли тронут, а вот меня... Я не могу назвать себя трусихой, но жить все-таки хочется, — добавила она, и невысказанное «даже здесь» можно было прочитать по ее глазам.

— На этот счет не волнуйтесь, они тоже хотят жить. — Я позволил себе мстительную ухмылку. — Видите ли, под действием зелья оба участника обряда отлично чувствуют друг друга на любом расстоянии, и если вдруг с вами что-то случится... В общем, не стоит беспокоиться, до конца обряда вас не тронут. А после я вполне сумею обеспечить вашу безопасность при условии вашего благоразумия. Но в нем я почти не сомневаюсь.

— Польщена, — с преувеличенно серьезным видом кивнула она. — А что от меня потребуется после обряда?

— После обряда и обсудим, — отмахнулся я.

На этом разговор прервался: мы прибыли на место, и я первым выбрался из экипажа. Эскорт как по команде рассыпался в охранное построение. Претензий к страже в связи с этим быть не могло, только поощрение; но созерцание отбивающихся хвостами от оводов конских задниц мало кому могло доставить удовольствие.

Святылища Первопредка всегда располагались в естественных пещерах. Более того, города возникали именно рядом с ними. Почти все, кроме самых древних вроде Агары, но об этом «почти» осведомлены весьма немногие, а уж о причинах и конкретной дате такого перелома и вовсе никто не знал. Но столице повезло, она раскинулась на скалистом берегу, буквально изрезанном гротами, и на определенном этапе найти подходящий не составило труда.

Возле истертых морским ветром и тысячами ног ступеней, вырезанных в скале и ведущих вниз, к парадному входу святылища, нас уже встречали. Трое послушниц, непрестанно кланяясь и боясь поднять взгляд от серого камня под ногами, приняли мою невесту с рук на руки. Александра коротко поклонилась, по-военному щелкнув каблуками, я тоже кивнул в ответ, не удержавшись от недовольной гримасы.

Этот жест в ее исполнении раздражал. В чем-то Мурмар был прав: на женщину моя будущая жена походила только фигурой. Но, с другой стороны, она вполне могла оказаться избалованной, изнеженной и истеричной девицей, и в сравнении с подобной альтернативой солдатские привычки меркли.

Проводив взглядом принцессу, скалой возвышавшуюся над сопровождающими и со спины (если не опускать взгляд ниже талии) способную легко сойти за мужчину, я развернулся к ожидающему эскорту.

— Какие будут распоряжения, ваше величество? — уточнил командир отряда, видя, что я сам не спешу проследовать в святилище.

— Во дворец, а там видно будет, — отмахнулся я, забираясь в экипаж.

Расчет оказался верен. Встретиться с казначеем и братом я, конечно, не успел, да и не хотелось портить себе настроение перед такой выматывающей процедурой, как связующий обряд, а вот перекинуться парой слов с Инварр-аром и уточнить последние распоряжения относительно ритуала удалось.

Присутствовать должны были, не считая охраны и жречества, двенадцать доверенных лиц; четверо из них с женами, приглашенными в качестве эскорта для невесты. В общем-то в отношении последних можно было ограничиться Зарой, супругой Мунара: со всеми неожиданными неприятностями она вполне могла справиться в одиночку, выучка позволяла, но это выглядело бы как неуважение и пренебрежение. Тем более что грань приличия требовала присутствия пятерых.

В урочный час все участники и свидетели обряда заняли свои места. Я встал подле алтарного камня по правую руку от старшей жрицы, а через несколько мгновений из бокового прохода показалась Александра с сопровождавшими ее послушницами.

Святилище оказывало гнетущее действие на всех, кроме служителей. А может, и на тех тоже, просто они это умело скрывали. Первопредок не терпит посягательств на свою территорию и для своих потомков исключения не делает. Ощущение недовольства незваными гостями буквально пропитывало воздух.

Низкая гулкая темная пещера освещалась только флуоресцирующим мхом, которым поросли каменные своды; нашему ночному зрению этого вполне хватало, а вот принцессе, кажется, было не по себе. Она щурилась, пристально глядя под ноги, и недовольно морщилась, когда острые камни впились в босые ступни, но не издавала ни звука. От нее едва уловимо пахло кровью и — весьма отчетливо — раздражением. Ей можно было только посочувствовать: ритуальные одежды состояли из одной лишь рубахи некрашеного полотна, одинаковой для обоих участников, и не предусматривали никакой обуви. А дополнительного освещения Первопредок тем более не потерпел бы.

Когда послушницы проводили будущую императрицу на положенное место, та все-таки не удержалась от облегченного вздоха, хотя раздражение и недовольство из ее эмоционального фона никуда не делись. Все это в сочетании с запахом ее кожи и массажных масел оказывало на меня странное воздействие: отвлекало, тревожило, заставляло принюхиваться и искать ее взглядом.

И я вдруг понял, что эта женщина вполне может вызвать во мне желание и без всякой «крови Первопредка».

Впрочем, на ходе обряда это открытие никак не сказалось и ничего не изменило. Точно так же, как много раз до этого, древняя дряхлая старуха повторила затверженные навеки слова. Тот же самый обряд она проводила и для императора Шидара и, похоже, присутствовала при заложении этого святилища.

Выверенным жестом жрица подняла с алтаря ритуальную чашу, в которую с нависающего над алтарем сталактита капала «кровь Первопредка». С алхимической точностью разделила тягучую, темную, почти черную жидкость, лишенную запаха, на два грубо вытесанных из камня кубка, поверхность которых была отполирована тысячами тысяч ладоней наших предшественников. Не по-старчески сильными пальцами уцепила мое запястье и точным уверенным жестом опытного вивисектора в определенном месте надрезала кожу на строго выверенную глубину — чтобы не повредить сухожилия, но добыть нужное количество крови.

Императорская кровь редко проливается безнаказанно: при брачном обряде да при рождении наследника — ведь в жилах императрицы после обряда течет кровь ее мужа. Как гласят старые законы, все прочее карается смертью. Глупые законы, если разобраться; так недолго остаться без ближайшего окружения и без обеденных приборов и прочее и прочее заодно. Да и женскую физиологию они почему-то не учитывают...

Но и зерно истины тут тоже есть. Запах крови вожака провоцирует окружающих на агрессию. Кого-то — для защиты его власти, а кого-то — для попытки ее свергнуть, даже когда этой крови — несколько крупных капель, сброшенных жрицей в чашу. Некоторое время более легкая жидкость просто лежала на поверхности, не смешиваясь с зельем, и за это время жрица проделала ту же процедуру с человеческой

принцессой. Беззубая даже не поморщилась, когда обсидиан ритуального кинжала рассек по-женски тонкую кожу.

Запахи смешались, и кровь в обеих чашах одновременно взбурлила багровыми искрами. Я удовлетворенно усмехнулся: хороший знак. Жрица сделала повелительный жест рукой, и я взял свой кубок, кивнув Александре. Та неуверенно обхватила тяжелый сосуд обеими руками и едва заметно улыбнулась чему-то своему.

Жидкость в кубке уже не напоминала ни «кровь Первопредка», ни кровь стоящей рядом со мной женщины. Почти прозрачная, испускающая едва заметный свет; сумеречное зрение плохо передает цвета, но я почему-то был уверен, что цвет этой жидкости напоминает либо цветочный мед, либо молодое белое вино. А запах...

Сложный, непонятный, отдающий то морским ветром, то жгучим перцем, то корицей, он один дурманил сильнее самого крепкого хадиша, какой мне доводилось пробовать в безмозглой юности. Я смерил старую жрицу взглядом; та стояла неподвижно, безучастная к происходящему вокруг. Александра тоже растерянно приняла чашу, искоса поглядывая на меня и ожидая дальнейшей команды. Пауза затягивалась.

— Ваше здоровье, принцесса, — в конце концов отсалютовал я кубком и залпом опрокинул в себя его содержимое. Даже если это яд, мы не имели права его не выпить.

Вкуса у напитка почти не было, только легкий намек на запах смолы, как будто обыкновенную пресную воду некоторое время подержали в сосновой бочке. Я демонстративно перевернул кубок, показывая его пустоту, и в таком же положении вернул на алтарь. Принцесса слегка заторможенно, тревожно прислушиваясь к собственным ощущениям, аккуратно повторила мои действия.

Жрица кивнула, что-то пробормотав себе под нос, бросила на меня странный изучающий взгляд и велела женщинам увести мою без пяти минут жену.

А буквально через пару секунд после того, как она исчезла из виду, я почувствовал, что зелье начало действовать.

Состояние было странное, и я все никак не мог понять, считать его приятным или наоборот. Сердце гулко стучало в горле, а мысли в голове категорически не желали собираться в связные цепочки, постепенно вовсе вытесняясь ощущения-

ми. Восприятие обострилось до такой степени, что я слышал все шорохи в соседних пещерах, мог разглядеть каждую трещинку в камне, а запахи... они были настолько точными и подробными, будто я не ощущал их, а читал книгу. И все это сопровождалось состоянием эйфории, сокрушительного удовольствия просто быть.

Я стоял неподвижно, каждой клеточкой собственного тела ощущая окружающий мир, прорастая в него, пропуская его в себя и чувствуя себя всемогущим, способным своей волей погасить солнце или поднять со дна океана новый материк. Все вокруг казалось фантазией, моей фантазией, прихотливо изменяющейся по моей воле.

— Почему Арида отправила ее так быстро? — тихо спросила одна послушница у другой, постарше. Девушки втроем подглядывали за происходящим из-за угла, и их искреннее любопытство, замешенное на легком опасении быть пойманными, добавляло сладковатый привкус тревожному напряженному ожиданию стоящих позади меня мужчин.

— А ты что, хотела, чтобы император завершил обряд прямо здесь или — хуже того — где-нибудь посреди улицы? — язвительно отозвалась самая старшая. — Ты на него посмотри! Никогда не видела такой стремительной и сильной реакции, даже страшно!

Слова любопытных послушниц, равно как и сам факт их существования, проскользнули по краю восприятия, оставив меня равнодушным. Я только мельком удивился, какие интересные образы способна породить моя фантазия.

Мне сейчас было не до них. В эйфории бытия чувствовалась какая-то фальшь, едва уловимая за ощущением восторга. Чего-то не хватало, что-то было неправильно, какая-то мелочь не давала полностью раствориться в удовольствии. И чем больше я об этом думал, тем сильнее этот диссонанс тревожил. Звуки... образы... запахи...

Запах. Едва уловимый след, воспоминание о присутствии; но, уловив его, я на несколько мгновений забыл, как дышать. Вся эйфория, все стремления и ощущения схлынули, вытесненные единственным желанием — найти обладательницу этого запаха и заявить на нее свои права, обладать ею. Запах звал, манил и обещал наслаждение. Запах утверждал, что она хочет того же.

Долго думать я не стал. Мгновение, и вот уже по камням бесшумно ступают мягкие звериные лапы. В этой второй ипостаси было гораздо проще идти по следу, да и быстрее. И кроме ведущего меня запаха в окружающем мире меня ничто не интересовало: ни испуганные возгласы посторонних, ни расстояние.

Империя Руш, замок Варуш

Императрица Александра

Я давно не чувствовала себя настолько погано; наверное, с эйдорской лихорадкой, перенесенной два года назад в полевом госпитале. Кожа местами саднила, местами горела, а местами просто банально болела, в висках ломило (надо полагать, от этого их афродизиака). При этом меня еще мутило, по всему телу разливалась противная липкая слабость, а еще было жарко и душно. Очень хотелось уснуть и не просыпаться до полного выздоровления.

Ясные воспоминания о прошлом заканчивались на холодной, почти пустой пещере, в которой шевелились невнятные тени. Хорошо местным, они в темноте видят, а я пока дошла — все ноги подрала об острые камни. Потом был какой-то странный напиток, в котором привкус крови совершенно отсутствовал, зато присутствовала какая-то пряность, и... пожалуй, все. Потом урывками была дорога, какие-то странные образы и провалы восприятия на фоне немотивированной эйфории. Судя по всему — и по тогдашним галлюцинациям, и по нынешней помойке во рту, — эта их «кровь Первопредка» представляет собой какое-то наркотическое вещество. Какое-то весьма тяжелое наркотическое вещество...

Я искренне надеялась, что меня по крайней мере на день оставят в покое и не понадобится никого принимать и ни с кем встречаться. Когда я болею и плохо себя чувствую, я становлюсь ужасной мизантропкой. Предпочитаю страдать и мучиться в одиночестве, а посторонние меня раздражают.

Заставляя окончательно очнуться, жар и духота вдруг исчезли, и меня, наоборот, бросило в холод. Я открыла глаза, чтобы все-таки понять, где нахожусь, и столкнулась с пристальным немигающим взглядом желтых глаз императора. Моего, — теперь уже, наверное, в полном смысле — мужа. Зрачки

его опять представляли собой узкие щелочки, выражение лица не поддавалось определению, а ноздри раздувались — он тщательно приплюснулся. Несколько секунд он продолжал меня гипнотизировать, пару раз торопливо моргнул, и зрачки опять приняли близкую к кругу форму. А потом он вдруг наклонился и, прикрыв глаза, медленно и сосредоточенно провел языком по глубокой царапине у меня на груди. Опять приплюснулся и повторил свое действие уже уверенней.

— Ваше величество, что вы делаете? — озадаченно уточнила я чуть сирым со сна голосом, порываясь подняться.

— Лежи и не дергайся, женщина, — недовольно процедил он, прижав меня ладонью к постели. — Я тебя лечу.

— Может, проще позвать доктора и достать аптечку? — неуверенно предложила я.

— Не проще, — недовольно рыкнул император, раздраженно сверкнув на меня своими кошачьими глазами. И я благоразумно замолчала и замерла, решив не спорить. В конце концов, может, у них так принято. Вместо утреннего умывания.

Однако через некоторое непродолжительное время я с удивлением поняла, что «лечебная процедура» действительно имеет эффект. Теплые влажные прикосновения как будто стирали с кожи болевые ощущения. Не до конца, но весьма ощутимо их облегчая. Более того, еще через некоторое время, когда рушец перевернул меня на живот и занялся царапинами на спине, я с еще большим удивлением обнаружила, что подобные прикосновения мне приятны. В самом что ни на есть физиологическом смысле: это странное вылизывание доставляло мне удовольствие.

Мужчина к процессу подходил весьма ответственно, не пропуская ни одной царапины и ни одного синяка. Более того, закончив со спиной и плечами, он спустился ниже, к особенно пострадавшим ягодицам и бедрам.

— Ваше величество! — не то озадаченно, не то встревожено окликнула его я. Нет, я не то чтобы возражала: в конце концов, там я действительно пострадала сильнее всего, да и неприятными возникающие в теле ощущения я бы тоже не могла назвать, но... Как-то это все было неожиданно.

В ответ прозвучал только тихий, раздраженный, совсем нечеловеческий не то рык, не то ворчание, и больше никакой реакции не последовало.

Время шло. На мои неуверенные попытки пошевелиться ответ был один — то же недовольное ворчание и прижимающая к постели тяжелая мужская ладонь. Боль и прочие неприятные ощущения сначала отступили, потом вовсе где-то потерялись, уступив место сладкому томлению. Потом мужчина легко перевернул меня на спину и вернулся к прерванному занятию.

— Руамар, что ты... — неуверенно пробормотала я — и загнулась. Вздвогнув от нахлынувших ощущений, вцепилась пальцами в простыни, судорожно вздохнула; а мужчина, как будто этого и не заметив, продолжил свои действия.

Не раз и не два за годы жизни меня посещала мысль ответить на намеки кого-нибудь из офицеров взаимностью. Было как-то обидно умирать, так и не познакомившись с этой стороной человеческого бытия. Но, с другой стороны, ложиться с кем-то в постель из любопытства было просто противно. Да и о титуле и обстановке никак не получалось забыть; наличие неуставных отношений в подразделении, тем более — со мной, могло привести к непредвиденным конфликтам личного характера. Это могло расцениваться как аванс, некое... обещание помощи, что ли? В общем, каждый раз включался разум и мягко давал понять, что это — плохая идея. Мне бы влюбиться, но почему-то тоже не получалось. А в последние несколько лет я окончательно махнула на все рукой и приняла для себя как данность: принцессе Александре так и суждено остаться старой девой и, выйдя на пенсию, нянчить племянников. Ну или погибнуть раньше.

А потом вдруг возник этот мир и это соглашение, которое должны были скрепить два брака, а по факту — обмен заложниками. Соглашаясь, о своей несложившейся личной жизни я совершенно не думала. Вернее, нет: подумала и решила, что, значит, такова моя судьба и нечего себя жалеть.

Вот чего я точно не ожидала, так это... подобного поведения рушца. Я изгибалась в его руках, звала его по имени, цеплялась за его волосы и — таяла. Буквально растворялась в ощущениях, забывая обо всем и ничего не стесняясь. И когда он, прекратив «лечебные процедуры», обхватил меня, с готовностью подалась навстречу. И почему-то боли не было совсем; только нарастающий жар в теле, наслаждение и пристальный взгляд желтых глаз, проникающий, кажется, в самую душу.

— Ваше величество, вы меня пугаете, — пробормотала я, покосившись на императора. Я лежала на спине, а Руамар, лежа на боку, нависал надо мной, подпирая ладонью голову, и разглядывал меня с задумчивостью, легкой усмешкой и откровенно гастрономическим интересом. Вторая его ладонь по-хозяйски возлежала на моем бедре, а наши ноги переплетались лодыжками. Левая стопа у меня начинала неметь, но шевелиться совершенно не хотелось.

— Врешь, — отрезал он, тихо хмыкнув.

— Скорее, утрирую, — осторожно возразила я. — Вы очень странно на меня смотрите, и я опасаясь проснуться в какой-то момент без руки или ноги.

Он, сощурившись, перевел взгляд на мое лицо и пару секунд явно раздумывал, стоит ли отвечать мне или нет. Потом усмехнулся эдак вальяжно и проговорил:

— Да я в очередной раз убеждаюсь, что Мурмар полный обрубок. То есть на вашем языке скорее... идиот.

— Мурмар — это ваш младший брат, который отказался на мне жениться? — уточнила я.

— Да, — кивнул император и, не вдаваясь в подробности, в прямом смысле слова ушел от разговора. Вышел из спальни в гостиную, оттуда — судя по всему, в ванную, и некоторое время я слышала плеск воды. Потом послышался шорох, короткая возня, стук двери, и все стихло. Несколько секунд я раздумывала, что это было и что же я такого сказала, что он ушел.

А потом проснулся мозг и напомнил, кто я, где нахожусь и с кем только что разговаривала. Это я временно могу себе позволить разлеживаться, а у императора, надо думать, на такие развлечения времени нет. Я еще помню, сколько отцу надо было приложить усилий, чтобы выкроить вечер для общения с детьми. Учитывая, что рушец вообще не собирался жениться, ему за все эти несанкционированные траты времени придется расплачиваться постфактум.

Вставать мне не хотелось — я уже и не помнила, когда последний раз доводилось вдоволь подремать и понежиться в постели, — да и особо не могло. После специфической оборотнической терапии мне, конечно, стало легче, но слабость и определенные неприятные, местами болезненные ощущения присутствовали в изобилии. Хотя и не в той убийственной концентрации, что утром. В общем, поскольку спешить мне

было некуда, я решила подумать о смысле жизни в горизонтальном положении, на мягкой кровати.

В принципе, я видела три варианта собственного дальнейшего бытия. Во-первых, можно было шпионить и вести диверсионную деятельность, но это была не самая лучшая идея. От нее я отказалась еще дома, когда прикидывала перспективы. Вычислят, потом проблем не оберешься. Во-вторых, можно было заниматься обязанностями императрицы, но я совершенно не представляла, каковы они у рушцев; я и про наши-то была не очень в курсе. Ну и, в-третьих, можно было заняться чем-нибудь полезным, в чем я хорошо разбиралась. А разбиралась я в инженерном деле, тактике, стратегии, в меньшей степени — в экономических вопросах и химии. Еще обладала определенными организаторскими способностями и знанием психологии: построить несколько сотен человек, восемьдесят процентов из которых — мужчины, и добиться железной дисциплины без этого никак. Теперь оставалось придумать, как все эти умения приложить на благо новой родины. Или хотя бы себя.

Хм. Пожалуй, для начала было бы неплохо обзавестись информацией об окружающем мире. И выслушать мнение императора на сей счет.

— Здравствуйтесь, ваше величество, — вырвал меня из задумчивости высокий женский голос.

Я резко села в кровати и поморщилась; от этого движения напомнили о себе мышцы и мелкие травмы в самых разных частях организма. На пороге стояла миниатюрная темноволосая молоденькая девушка, нагруженная горой каких-то свертков. Она таращилась на меня большими удивленными глазами, как будто совсем не ожидала меня тут встретить.

— Здравствуйтесь, — кивнула я, разглядывая ее со своего места. — По какому вопросу?

— Ой! — Девица, смешно подпрыгнув на месте, очнулась и кинулась ко мне вместе со своим имуществом. — Извините, ваше величество, я ваша камеристка, меня зовут Уру или как вам будет угодно. — Она изобразила быстрый книксен. — Я должна была прийти раньше, но не осмелилась, — затрещала она. — Здесь был повелитель, — почти шепотом добавила, почему-то оглянувшись на дверь. — И я ждала, пока он уйдет. Ждала-ждала, ждала-ждала, а потом задремала, — покаялась Уру, торопливо раскладывая на краю кровати свою ношу. — Я

пришла помочь вам с одеждой, ну и... вот, у меня тут лекарства и амулет, только я в них не очень понимаю. — Она смущенно протянула мне небольшую кожаную сумочку-аптечку и тяжелый серебряный браслет.

Я повертела флаконы с зельем в руках и не удержалась от усмешки: и печать артефактора, и тиснения на пломбах были хорошо знакомы и принадлежали лучшим человеческим мастерам.

— Сколько тебе лет, дитя? — со вздохом поинтересовалась я.

— Я уже взрослая, мне шестнадцать зим, — гордо сообщила она.

— И, надо думать, камеристкой ты не работала никогда?

— Нет, ваше величество, — она опять изобразила книксен. — Но я все умею! И с одеждой могу помочь, и за завтраком прислуживать, и, если надо, по поручениям каким-нибудь сбегать; я шустрая, сообразительная и много всего знаю... Ой, давайте помогите! Вам же, наверно, встать тяжело!

— Откуда такие выводы? — растерянно уточнила я. Даже воспротивиться не успела, как девчонка нырнула мне под бок, подпирая костлявым плечиком.

— Ну, после обряда обычно все не очень хорошо себя чувствуют, а повелитель — он же вообще... Мы даже боялись, что он вас вообще убьет!

— Мы — это кто? Да не надо меня подпирать, я нормально себя чувствую, — опомнилась я, отодвигая Уру.

— Ну мы с девочками, кто здесь работает. — Она покорно отстранилась, на пару секунд зависла, опять пристально меня разглядывая, потом встрепенулась и занялась своими кульками. — А вы очень-очень хорошо выглядите и даже на ногах стоите, и все царапинки уже почти зажили! А люди все так быстро восстанавливаются? У нас такие слухи про вас ходят! — доверительно поделилась она, сделав страшные глаза.

— Мне кажется, за мое здоровье следует поблагодарить его величество. Я, честно говоря, раньше не слышала, что ваша слюна способна заживлять раны, — хмыкнула я. На этом месте моя помощница выронила пакет и вытаращилась на меня в ужасе. — Что-то не так?

— То есть это Владыка? *Сам?!* — страшным шепотом уточнила она.

— Кхм. Ну не думаешь же ты, что я его заставила? — хмыкнула я. Но по глазам поняла, что это небесное создание может

поверить в любой бред, и поспешила уточнить: — Шучу! Сам. А что, такого не бывает?

— Нет, ну почему, бывает, — осторожно кивнула она. — Просто то, что Владыка... сам!

— Уру, что в этом необычного? — строго поинтересовалась я, изучающе глядя на девушку.

— А! Просто это очень сложно, утомляет, редко к этому прибегают, — пояснила она, снова встряхнувшись. — Ну правда, редко. Мама там котенка может полечить, если коленку расшибет, обычно по мелочи. А он что, вас прямо... совсем всю лечил? — не удержалась от вопроса она, подходя ко мне с каким-то ворохом тряпок и глядя большими-пребольшими глазами, на этот раз полными восторга.

— Прямо всю, — не стала спорить я. — Что это?

— Одежда. И это он после брачного обряда?! Вас вылечил и на своих ногах ушел?! Все-таки Владыка удивительно сильный, не зря слухи ходят, что к его матушке сам Первопредок приходил, — поделилась сплетнями девушка и покачала головой.

Я забрала из ее рук платье лазурного цвета, развернула, разглядела...

— Уру, ты, конечно, извини, но я это не надену, — поморщилась я.

— Почему? Оно такое красивое, специально для вас сшито!

— Где мои вещи? Те, которые я с собой привезла, — не вступая в полемику, уточнила я.

— В гардеробной. Что вам принести?

— Пойдем, покажешь, где тут гардеробная. А что, после обряда обычно всем так плохо?

— Ну да. «Кровь Первопредка» — это не ключевая вода: чем зверь сильнее — тем тяжелее она потом выходит, — пояснила она. — Обычно мужчинам хуже.

Все, я поняла, мне уже стыдно. Я неблагодарная лентяйка, а его величество — воплощение благородства в подлунном мире. Пойду оказывать моральную поддержку и налаживать контакты. Я про семейную жизнь знала мало, но из детства помнила: мама утверждала, что долг хорошей жены — заботиться о здоровье мужа. Даже если он против. Муж обо мне позаботился, теперь я пойду.

Правда, для начала я быстренько ополоснулась под душем и оделась. По жаре ограничилась штанами, сапогами и рубашкой. Не знаю уж, насколько это прилично выглядит в глазах оборотней, но, на мой взгляд, гораздо приличнее этих летучих тряпок.

— Уру, у меня к тебе вопрос, — обратилась я к камеристке, прилаживая на боку ножны. — Где сейчас может быть император?

— Владыка? — переспросила она, с недоумением наблюдая за моими действиями. — Не знаю, может быть, у себя в кабинете? Ваше величество, а почему вы так странно одеваетесь? Это такая человеческая мода? У вас такие красивые ноги! Только так не очень прилично ходить. Хотя вам, наверное, можно...

— Показывай, куда идти в кабинет Владыки, — прервала я поток слов. — Далеко туда?

— Нет, тут рядом, вот здесь налево, только... Ваше величество, а можно помедленнее? — жалобно попросила она.

Я с тоской на нее покосилась, но скорость сбавила. Учтывая, что девочка едва доставала мне до подмышки, а шаг у меня в принципе широкий, ей приходилось почти бежать, чтобы не отставать. Пришлось в обмен на снисхождение требовать с нее краткую экскурсию с описанием попутного пейзажа и встречаемых персонажей. Пейзаж радовал глаз сдержанным великолепием, персонажи выказывали любопытство, удивление на грани потрясения и откровенное отвращение. Последних я с особенным вниманием брала на заметку.

Почти все встреченные кланялись. В общем, я бы удивилась, если бы меня кто-то не узнал: не те параметры. Рост метр девяносто два, военная выправка и армейский наряд — мягко говоря, выдающаяся внешность.

Императорский кабинет действительно оказался не так чтобы далеко.

— Ваше величество, только можно я вас тут подожду? — смущенно попросила меня камеристка.

— Тут — это в коридоре? — озадаченно обернулась я, уже успев положить ладонь на кованую дверную ручку.

— Угу. Просто Владыка... он очень не любит, когда его отвлекают от работы. Вас-то не тронет, а я очень не хочу попасть под горячую руку, — честно призналась она.